

«Торопитесь делать добро» – таков был девиз Федора Петровича Гааза, совершенно удивительного человека, жившего в Москве в первой половине девятнадцатого века. Он на деле доказал, что добро можно делать каждый день и каждый час.

Гааз родился в Германии (настоящее его имя Фридрих Иосиф), окончил курс медицинских наук в Вене, специализируясь в глазных болезнях. Исцелил русского вельможу Репнина, и тот в 1802 году пригласил его в Россию.

Генерал-губернатор Москвы князь Дмитрий Владимирович Голицын предложил Федору Петровичу стать членом тюремного комитета и главным врачом московских тюрем.

По роду своей деятельности Федор Петрович часто бывал в пересыльном арестантском замке на Воробьевых горах, откуда осужденных отправляли в Сибирь. Однажды две сестры-девушки со слезами просили штаб-лекаря Гофмана не разлучать их.

– Я тебя уже два раза оставлял с больной сестрой, – сказал лекарь младшей сестре, – а теперь не могу. Если не хочешь разлучаться, то пусть больная перемоет себя и идет.

Сестры согласились, предпочитая умереть вместе, чем быть разлученными.

Доктор Гааз, осматривая арестантов и увидев, в каком тяжелом состоянии находится старшая сестра, сказал полицеймейстеру полковнику Миллеру, что ее отправлять ни в коем случае нельзя – она на этапе умрет.

– Хорошо, доктор, оставьте ее, – ответил Миллер, – а сестра пусть отправляется.

– Этого допустить нельзя! – горячо возразил Гааз. – Когда сестры вместе, они могут помочь друг другу. Если же их разлучить, трагедии не избежать.

Миллер остался непреклонен.

– Я не могу нарушить закон.

– Речь не о законе, а человеколюбии. Кроме земного суда есть Высший суд. Никто из нас его не избежит. Мы предстанем на нем вместе с этими несчастными сестрами, и тогда они выступят как обвинители.

Полковник потупил голову.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Оставьте обеих сестер.

«Постояльцы» арестантского замка ждали посещения доктора как праздника. Они сложили о нем поговорку: «У Гааза – нет отказа». Самые тяжкие и закоренелые преступники относились к нему с чрезвычайным почтением. Он смело, без охраны, входил в камеры отпетых злодеев – с клеймами на лице, наказанных плетью, приговоренных в рудники без срока – и оставался там длительное время. Не было случая, чтобы арестант оскорбил его или дерзко с ним разговаривал.

Однажды губернатор Сенявин, приехав к Гаазу домой, стал свидетелем необычной картины. Закованный в кандалы, доктор шагал взад и вперед по комнате, ведя счет своим шагам.

– Я создал облегченные кандалы и прошел в них расстояние, равное первому этапу до Богородска, – объяснил Гааз.

– Ну и как?

– Несладко, – ответил Федор Петрович, вытирая со лба обильный пот. – И все же в таких кандалах страдальцам будет намного легче.

В журналах московского тюремного комитета с 1829-го по 1853 год было записано сто сорок два предложения Гааза с ходатайствами о пересмотре дела, помиловании осужденных или смягчении наказания. Председателем комитета был знаменитый митрополит Филарет (Дроздов). Ему наскучили постоянные и, возможно, не всегда строго проверенные ходатайства Гааза, как он считал, о невинно осужденных.

– Вот вы говорите, Федор Петрович, о невинно осужденных, – заметил однажды владыка. – Таких нет. Если человек подвергнут каре, значит, за ним есть вина...

Вспыльчивый Гааз вскочил с места.

ОН СПЕШИЛ ДЕЛАТЬ ДОБРО

– Да вы о Христе забыли, владыка! – воскликнул он.

Члены комитета смутились и замерли: таких слов влиятельному митрополиту никто никогда не говорил. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубине доктора. Архидея поник головой и замолчал. Прошло несколько томительных минут. Наконец владыка встал.

– Нет, Федор Петрович, когда я произнес мои поспешные слова, не я о Христе позабыл – Христос меня позабыл, – сказал он, благословил членов комитета и вышел из комнаты.

Как-то московский тюремный замок посетил государь император Николай Павлович, который обратил внимание на согбенного старика семидесяти лет, приговоренного к ссылке в Сибирь.

– Почему он до сих пор здесь? – спросил государь.

– Его задерживает доктор Гааз. Он считает, что арестант очень дряхл и долго в пути не протянет. – Держать, ты считаешь, что он не должен нести заслуженного наказания? – обратившись к Гаазу, спросил государь.

Вместо ответа доктор опустился на колени.

Думая, что тот таким способом просит прощения за допущенные послабления арестанту, государь (он знал доктора лично) сказал:

– Полно, Федор Петрович, я не сержусь. Встань!

– Не встану! – решительно ответил Гааз. – Государь, помилуйте старика! Ему осталось жить совсем немного. Он настолько слаб, что не осилит и нескольких этапов. Я не встану, пока вы не помилуете его...

Государь задумался.

– На твоей совести, Федор Петрович, – сказал он наконец. – Я милую его.

В Москве Федора Петровича знали и любили все жители, от мала до велика. Однажды в морозную зимнюю ночь доктора срочно вызвали к больному.

– Быстрее запрягай лошадей! – распорядился Федор Петрович, обращаясь к своему бесшумному кучеру Егору.

Тот замешкался, и Гааз не стал его ждать, вышел на улицу. Извозчика поблизости не оказалось, и доктор пошел пешком. В темном безлюдном переулке его остановили грабители.

– Снимай шубу! – распорядился один из них.

– Братцы, да вы что! – оторопел доктор. – Куда же я без шубы? Замерзну! Смотрите, какой мороз!

– Поменьше слов, любезный! Мы шутить не любим!

– Ну хорошо, – согласился доктор, – шубу я вам отдам, только

в силах, и вскоре больных в лечебнице стало почти вдвое больше.

Наступила секундная пауза. – Батюшка Федор Петрович! – воскликнули грабители. – Так бы сразу и сказал, кто ты! Прости нас, окаянных! Иди с Богом!

Движимый редким человеколюбием, Гааз устроил в ветхом доме уездного ортопедического института полицейскую больницу для бездомных. Простонародье Москвы единодушно прозвало ее Гаазовской. Сюда поступали люди, найденные на улице, изнуренные нуждой или болезнью. Если свободных мест уже не было, доктор устраивал их в собственной квартире, и сам за ними ухаживал.

Лечебница не была предусмотрена уставом, и некоторые члены тюремного комитета хотели ее закрыть. Гааз решил во что бы то ни стало отстоять свое детище. Получая в качестве старшего врача больницы всего 285 рублей 72 копейки в год, он почти все эти деньги тратил на больных. Ремонтировать лечебницу ему помогали знакомые купцы-благотворители. Доктор вел большую переписку, сражаясь с комитетом, часто обращался к обер-полицеймейстеру, в ведении которого находилась лечебница, умоляя нового генерал-губернатора Щербатова сохранить учреждение, которому симпатизировал его предшественник, – и добился-таки своего: полицейская больница была признана постоянным учреждением для приема страдальцев.

Лечебнице, рассчитанной на сто пятьдесят кроватей, отпускалась весьма скромная сумма. Между тем население Москвы росло, как и число бездомных, отказываться в приеме Гааз был не

Если их выбросить на улицу, они погибнут. Я отвечаю за них перед Господом Богом, – ответил Гааз.

– И все же надо соблюдать порядок, – сказал генерал-губернатор. – Мое последнее слово: сто пятьдесят человек, и ни одного больше!

Старик опустился на колени и заплакал навзрыд. Слезы ручьем текли на его поношенный сюртук.

Сердце генерал-губернатора дрогнуло.

– Что ты, что ты, Федор Петрович! – Щербатов поспешно подошел к Гаазу. – Прости меня. Считаю, что я не говорил последних слов.

Он помог ему подняться. Разговор о больнице не поднимался больше до самой смерти Гааза. По молчаливому соглашению все стали смотреть на ее «беспорядки» сквозь пальцы.

Строгий блюститель нравов, Федор Петрович влиял на людей не только советами и наставлениями, но и другими способами. У одного из московских купцов, старшего холостяка, имелась весьма соблазнительная картина. Она висела в его спальне, задернутая зеленой тафтой. Ему захотелось показать ее доктору Гаазу. Купец заранее приготовился услышать не лестные слова в свой адрес. Он ошибся.

Доктор долго молчал, а затем произнес:

– Продайте мне эту картину.

– Федор Петрович, я вас очень уважаю и поэтому продать не могу, – сказал купец. – Я дарю ее вам.

– Нет, – возразил гость, – подарка мне не надо.

Тогда купец заломил баснословную цену.

– Картина за мной, – сказал Федор Петрович и, попрощавшись, тотчас уехал.

Через три месяца он снова навестил купца и вручил ему требуемую сумму. Тот не без сожаления расстался с полотном.

Прошло несколько дней. Купец затосковал. Ему захотелось хоть одним глазом посмотреть на любимую картину. Он приехал к доктору. Завязалась беседа, в течение которой гость искал глазами искомый предмет и... не находил его.

– Где же мое сокровище? – спросил он наконец у хозяина.

– Рядом с тобой. Оно... в печке, – пояснил хозяин.

В знаменитом романе Виктора Гюго «Отверженные» есть эпизод, в котором рассказывает о том, как епископ Мириель приютил и обогрел бывшего каторжника Жана Вальжана. Утром, покидая гостеприимный дом, Жан Вальжан похитил несколько серебряных ложек. Но ему не удалось воспользоваться ими: жандармы схватили вора и привели к епископу. Тот встретил своего знакомого приветливо улыбкой.

– Отчего же, друг мой, вы не взяли и серебряные подсвечники, которые я вам тоже подарил? – спросил он.

Толчок для нравственного перерождения был дан, и Вальжан, духовно просветленный, вступил в новую жизнь.

А вот что случилось в Малом Казенном переулке лет за двадцать до выхода в свет «Отверженных». К Гаазу пришел бедный человек, страдавший каким-то недугом. Доктор помог ему и советом, и лекарством. Уходя, пациент украл ручные часы, которые лежали на столе. Не успел он выйти из ворот больницы, как был схвачен с полицийным. Сторож предложил вызвать по-

лицейского и составить протокол, но Гааз запретил это делать. Он долго беседовал с вором, напоил его чаем и, вручив солидную сумму денег, отпустил с миром.

Однажды в Екатерининскую больницу поступила крестьянская девочка одиннадцати лет. Она была поражена редкой болезнью – водяным раком, которой «съел» пол-лица. Девочка страдала от сильных болей, ее лицевые ткани, разлагаясь, издавали невыносимое зловоние. Врачи, фельдшера, нянечки и даже родная мать не могли пробыть в комнате, где находилась страдальца, сколько-нибудь длительного времени.

Федор Петрович Гааз находился рядом с ней более трех часов. Сидя на кровати, говорил ей ласковые слова, обнимал, целовал и утешал. Визиты его прекратились только тогда, когда девочка отошла в мир иной.

Федор Петрович ездил по Москве на старой пролетке и на старых лошадях. Концы приходилось делать большие, и проголодавшийся доктор останавливался иногда у лекаря и покупал четыре калача – для себя, кучера и два для лошадей. В 1850 году почтители Гааза прислали ему в подарок новую прекрасную карету и пару добрых лошадей. Федор Петрович немедленно про-

дал их известному каретнику Мякишеву, а вырученные деньги раздал бедным и нищим.

Гааз был высок ростом, широкоплеч, немного сутуловатый, с крупными чертами широкого сангвинического лица. Его голубые глаза светились нежной добротой. Несмотря на неоднократные просьбы друзей, он никак не соглашался написать с себя портрет. Пришлось прибегнуть к хитрости. Князь Щербатов пригласил Федора Петровича к себе и долго беседовал с ним. А в это время художник, спрятавшийся за ширмой, написал портрет гостя, правда, в профиль.

Когда доктор Гааз скончался, то в его квартире, кроме старой мебели, поношенной одежды, небольшого количества книг и нескольких рублей, ничего не оказалось. Полиции пришлось хоронить его за свой счет. В похоронах участвовали двадцать тысяч человек, гроб несли на руках до самого кладбища.

«Самый верный путь к счастью не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми, – писал Федор Петрович Гааз. – Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не боясь труда, помогая им советом и делом, словом, любить их, причем чем чаще проявлять эту любовь, тем сильнее она будет становиться, подобно тому как сила магнита сохраняется и увеличивается от того, что он непрерывно находится в действии...»

Николай КОКУХИН

сначала должен навестить больного. Скажите ваш адрес, и я пришло ее вам.

– Нашел дурака! – рассмеялись грабители.

– Не бойтесь, я вас не выдам, я еще никого не обманывал. Меня зовут доктор Гааз. Я живу в больнице в Малом Казенном переулке.

кромее своих излюбленных пациентов – босоногих бродяг и оборванцев. Гааз отмалчивался, давал объяснения, но число больных все-таки не сокращал.

Князь Щербатов вызвал к себе Гааза и потребовал сократить число пациентов до нормы.

– Мои пациенты – особые. Жизнь в них еле-еле теплится.